

Текст · 28 мая 2019, 10:57

«Ты закусился с государством». Дмитрий Пчелинцев рассказывает, как после пыток сочинял свое признание вместе с сотрудниками ФСБ

День первый. «Зачистил провода и примотал их к пальцам ног»

Задержали меня 27 октября 2017 года, и, естественно, вину я не признал, давать показания отказался. Мой адвокат, который не планировал со мной продолжать взаимодействовать, сказал: «Если у тебя будет другой адвокат, с ним показания дашь, со мной сейчас 51-ю^[1] возьми». Ну, собственно, не признал, и, в общем-то никакого особенного допроса в тот день у меня не было. Я поехал в изолятор временного содержания, и в этом изоляторе провел ночь, после чего отправился на суд по мере пресечения. Мне выбрали меру пресечения в виде заключения под стражу. Заключение под стражу и отправили в СИЗО №1 города Пензы.

В СИЗО №1 есть три жилых корпуса, если называть их условно: старый корпус, новый корпус и «Титаник». Так вот, меня посадили в четвертый, который совершенно пустой. Там нет ни одного человека. Двухэтажный корпус, в котором никто не сидит, никто туда не ходит, он стоит отдельно. Меня завели в камеру 5.1, я бросил матрас, и мне сказали: «Пойдем». А я в первый раз в СИЗО, не представляю, что дальше должно происходить — ну, наверное, какие-то процедуры, дактилоскопия, еще что-то. Мне сказали:

заходи в камеру соседнюю, 5.2. Я зашел в нее, за мной закрыли дверь.

Это 28 октября, первый день моего пребывания в СИЗО. Я вообще должен был попасть на карантин, который происходит в корпусе «Титаник». Меня завели в камеру 5.2, меня закрыли там. Через две минуты зашли около шести, может быть, семи сотрудников ФСБ. Двое из них были в форме «мультикам», которую используют сотрудники ФСБ. В том числе я узнал в них людей, которые меня конвоировали до этого. И люди в «гражданке», которые, собственно, оперативники. Мне сказали: «Раздевайся». Я первый раз в такой ситуации, я не представлял ничего — возможно, еще какие-то досмотры или еще что-то — в конце концов, я чистый. Я разделся. Мне сказали: «Садись на лавочку». Я сел на лавочку, и после того, как мне начали приматывать к лавочке ноги скотчем, я понял, что... ну, как бы, пиши пропало.

В Пензе начался суд по делу «Сети»

«Медиазона» кратко пересказывает версию обвинения

Достали из сумки динамо-машинку, поставили ее на стол. Все сотрудники были в балаклавах и медицинских перчатках.

Мне замотали руки за спиной, я был в одних трусах, примотали ноги к лавочке скотчем. Сотрудник, которого зовут Александр, зачистил канцелярским ножом провода и примотал мне их к большим пальцам ног. Ни вопросов мне никто не задавал, ничего — просто начали сразу крутить динамо-машинку. Собственно, ногами примерно до колена я ощутил ток — это ощущение, как будто сдирают кожу заживо, а когда [подача тока] прекращается, как будто ничего не было вообще. Потом никакой боли нет, когда прекращается.

Ну, вытерпеть это нереально. Меня били [током], может быть, раз пять без вопросов — чтобы подавлять мою волю, вероятно, или еще как-то. Потом сказали: если, мол, ты не понял, ты в руках ФСБ, мы играть не будем, тебе нужно сейчас будет отвечать на вопросы. Ответы «нет», «не знаю» и «не помню» — это неправильные ответы.

Они мне говорят: «Сеть». Я: «Что сеть?». Они крутят. Я минут 15 тупил — мне положили в рот кляп, он абсолютно осушил рот, он был марлевый. В очередной раз, когда мне засовывали в рот кляп, естественно, он уже засох, язык просто зацепился, уздечка порвалась, весь кляп пропитался кровью.

Меня спросили: «Откуда кровь?». «Не знаю». А вы помните, да, что ответ «не знаю» — неправильный? Меня просто за это ударили током. То есть они просто фактически убивали меня там.

У меня на животе уже был синяк, как будто в меня метеорит попал, и в итоге меня бросили на пол, начали стягивать трусы для того, чтобы подстегнуть к гениталиям провода. Я сказал: «Окей-окей, я понял. Как там вопрос звучал последний?». Они говорят: «Ты организовал террористическое сообщество "Сеть"?». Я говорю: «Ну да, я». Они: «Ну все, молодец, садись».

Я сел, они достали ноутбук и начали с ноутбука читать какие-то там совершенно несуразные вещи. Прямо в камере, черный ноутбук — был сотрудник Шепелев, который неоднократно его потом приносил. Я на тот момент видел их всех второй или третий раз в жизни, но, естественно, я голоса их запоминал, а потом, когда с ними пересекался, я понимал, что это они. Там же в [камере] 5.2 находились, кроме Шепелева Вячеслава Геннадьевича, Воронков Сергей Васильевич... На тот момент мне казалось, что там был еще и Токарев, наблюдал за всем, как это происходило. Сам он вслух не говорил.

— А вы не ошибаетесь? Токарев? Вы раньше не говорили об этом, — уточняет адвокат Олег Зайцев.

— Я говорил с самого начала, но он мне говорит: «Нет, меня там точно не было». Ну хорошо, пусть так, пусть не было.

— По каким приметам вы его опознали, что Токарев находился в той же камере?

— Он был в той же одежде, в которой он меня задерживал и в которой я его видел в ФСБ. То есть я его видел и понимал, что это он. Но я был не уверен потом в итоге, и я не стал говорить, что он был — если не уверен, зачем просто так оговаривать человека. Но я стал убеждаться в том, что он как минимум осведомлен о пытках, когда он сам стал со мной о них разговаривать.

— Кто руководил всем этим?

— Вячеслав Геннадьевич [Шепелев], он там ведущий был. Собственно, он со мной разговаривал на все темы, он мне с ноутбука читал, что мне нужно будет говорить в дальнейшем. В общем, у меня выбора просто не оставалось — не считал возможным, что такое вообще происходит с людьми. Но они даже не пытались выяснить, знаю я что-то или не знаю — они знали, что я ничего не знаю, поэтому вместо того, чтобы задавать вопросы о каких-то реальных обстоятельствах, они задавали вопросы для того, чтобы я сам соображал, что мне надо отвечать. Я им говорил: «Вы соображаете, это вообще не вяжется с нами?». Они: «А как вяжется?». Я уже поправлял: «Ну вот так, вот так реалистично». Они говорят: «Ну все, молодец, будем, значит, так работать».

<...> Меня когда кинули на пол, мне разбили коленки об пол, кровь из них текла. Мне сделали замечание за то, что у меня слабые коленки. Когда они уже уходили, мне Шепелев бросил кляп и сказал протереть коленки, чтобы никакой крови не осталось.

Я протер, бросил ему обратно, а он говорит: «Если спросят, что кричал, скажешь: пел». Я говорю, окей, скажу, пел. Он говорит: «А если спросят, коленки почему разбиты?». Я говорю: «Скажу, молился». Он: «Ну, ладно». И ушел.

Меня увели обратно в камеру 5.1. Я расстелил матрас, посидел-подумал и понял, что так не должно быть вообще. Как обычно делают арестанты? Я не боялся, что если я сейчас вскроюсь, то меня не успеют спасти, потому что понимал, что раз такое происходит, они в течение всего допроса говорили, что, мол, «мы увезем твою жену в лес, на твоих глазах ей головуотрежем, а потом вас вместе прикопаем — ты че, хочешь этого?». Понятно, что они, может быть, и лукавили отчасти, но на тот момент не приходилось сомневаться в правдивости их слов. Я согласился со всем этим и понял, что жизни дальше они мне не дадут.

День второй. «Вы помните, я вскрылся?»

Разбил бачок унитаза на следующий день, 29 октября, и разрезал руки, горло — арестанты так делают, чтобы их не истязали. Когда к ним применяют физическое насилие, они вскрываются. Я сделал то же самое — и даже если бы у меня не было возможности об этом заявить, я бы потом сказал: «А вы помните, я вскрылся? А это произошло, потому что меня, блин, током пытали».

На следующий день или через день ко мне пришел следователь из Следственного комитета Нестеров и намекнул, что он пришел от сотрудников ФСБ, которые назначили его. Просил дать объяснения, в которых я никого не называю и ничего не говорю.

Я дал ему такое объяснение, мол, никто не виноват, я сам. Он ушел, отказал в возбуждении уголовного дела.

Затем 1 ноября с утра я думал, что ко мне должен прийти адвокат. Мне сказали, что, мол, собирайся, сейчас адвокат придет. Я ему написал большую записку — он мне сказал просто до этого, что здесь везде запись стоит, тебе нельзя разговаривать вслух на темы, которые не хочешь, чтобы они знали. Написал записку ему, что здесь меня бьют током, и говорят признавать так-то и так. Что мне делать?

Привлекайте, пожалуйста, средства массовой информации, привлекайте, пожалуйста, «Комитет против пыток», давайте, пожалуйста, прекратим это, потому что они меня убьют. Я положил эту записку в карман, меня вызвали, я пошел, думал, что это к адвокату, а оказалось, на выезд. А когда выводят на выезд, нас полностью досматривают, у меня эту записку, естественно, нашли, эту записку отдали сотрудникам ФСБ, вместо того чтобы приобщить к делу. Они все должны приобщаться к делу.

Мы поехали в ФСБ, меня завели к оперативникам. Я также там [в этой записке] написал, что в камере осталась кровь и я могу указать, только, пожалуйста, приведите того, кому мне ее указать. Они меня спрашивают: где кровь осталась? Я говорю: ну мол там и там. На самом деле я просто первое, что в голову пришло, сказал — кровь по-прежнему там осталась. Он позвонил и говорит: «У лавочки две капли». То есть человек, который был на том конце провода, знал,

о чем сейчас будет речь. Как я в дальнейшем узнал, он разговаривал с оперативником.

И, собственно, мы с ними сели. Они продолжали мне угрожать, продолжали мне говорить, что я закончу в лесу, что они меня вывезут и убьют. Там стоял телевизор и они сказали: сейчас твоя Ангелина в этом телевизоре появится и ты будешь видеть, что с ней делают то же самое, что с тобой позавчера. Ты хочешь это? Я сейчас сниму трубку и она через 10 минут появится здесь. Я говорю: хорошо-хорошо, я все сделаю, как надо. Они просто учитывали, что я записку написал, значит, все-таки я их не послушал и отказался с ними сотрудничать.

Я говорю: ну хорошо, все-таки буду сотрудничать, давайте, все подпишу. И они говорят: хорошо, ладно, рассказывай. Ты говорил, что нереалистично, давай рассказывай, чтобы было реалистично. Я думаю, ну ладно, и начал рассказывать просто историю, как все на самом деле обстояло. Они через слово вставляли: терроризм, терроризм, терроризм, терроризм.

Это был просто опрос, я его подписал, естественно, потому что у меня выбора не было. И мы вместе с моим защитником, на тот момент [Алексеем] Агафоновым, отправились к [следователю ФСБ] Токареву Валерию Витальевичу на допрос. На этом допросе Токарев сказал: ну что, оперативники уже составили рыбу, давайте тогда просто распечатаем, подпишем и поедем по домам?

На что Агафонов сказал: ну вообще я не согласен, типа, я же тут пришел, я адвокат, давайте все-таки хотя бы прочитаем, что ли, прежде чем распечатать.

Он говорит: «Ну хорошо». Он прочитал абзац и говорит: «Ну что, Дмитрий, подтверждаешь?». Я говорю: «Нет». Он прямо смотрит: ну как так не подтверждаешь, тебя же мало током, что ли, били, ну окей, не подтверждаешь, а как? Ну, и я начал все редактировать, и вот все, что оперативники написали там про терроризм, не про терроризм, я редактировал. Ну, естественно, я понимал, что слишком сильно редактировать тоже нельзя, вину признаю, конечно, но нигде не был, ничего не видел. Естественно, Токареву это не понравилось. Я уехал в СИЗО.

Ноябрь — декабрь. «Клоуны, вы же меня конвоировали вчера»

Все это время ко мне [в СИЗО] приходили сотрудники ФСБ Вячеслав Геннадьевич Шепелев и Сергей Васильевич Воронков. Им для того, чтобы прийти, не нужно брать разрешения, они просто приходят по звонку и заходят беспрепятственно. Приходили ко мне в том числе прямо в корпус, то есть вот пустой корпус, где я сижу, там никого вообще нет, они ко мне прямо туда приходили. Им на территории следственного кабинета-то перемещаться без разрешения нельзя, а они там по территории следственного изолятора прошли полностью.

И, собственно, 8 ноября примерно во время ужина, где-то в пять часов, пришли ко мне три сотрудника ФСБ. Один из них присутствовал раньше, другой конвоировал меня, третьего — тоже видел, не помню, где. Но они были переодеты в робы заключенных. Они меня начали избивать и говорят: мы блаткомитет, нам из-за тебя перекрыли кислород, если ты сейчас не будешь сотрудничать с мусорами, то мы тебя вообще

убьем, опустим, у нас руки длинные, мы твою жену достанем и так далее.

А я смотрю на них и думаю: вы че, клоуны, вы же меня конвоировали вчера, какой вы блаткомитет, вы вообще о чем? И понимаю, что происходит какая-то просто сюрреалистическая совершенно ситуация. И они мне говорят: на тряпку, мой унитаз, мы будем на видео снимать. А я просто вот так стою и не понимаю вообще, что мне дальше делать. Они посмотрели на меня еще немножко, пять минут, сказали: ну ты понял, у тебя неделя — и ушли.

Я бы даже, наверное, не осмелился предполагать на тот момент, когда у меня будет следующий допрос, но допрос следующий произошел на следующий день как раз после этого. И на следующем допросе, если сравнить мои показания... на первом допросе я говорю — ну, там был страйкбольный привод, туда-сюда, следующие показания: слово в слово то же самое, но только вместо страйкбольного привода уже был короткоствольный карабин. Вместо «готовился к войне с исламистами, нацистами и интервентами» там уже добавлено, что еще и «с врагами революции». Фразы там просто волшебные: так может рассуждать только следователь по особо важным делам.

Дальше после этого меня первое время не вывозили. 1 декабря меня вывезли для предъявления первоначального обвинения. Первоначальное обвинение было просто невероятно абсурдным. Нас обвиняли в принципе во всем том же самом, что и сейчас, но только без каких-либо вообще аргументов. Ну окей. Мне говорят: подписывай. Со

мной уже на тот момент был адвокат [Игорь] Ванин. Он прочитал и говорит: нас это не устраивает.

«Ну, Дим, ну ты же понимаешь, что у нас есть способ заставить тебя подписать?». Это мне говорит Токарев Валерий Витальевич. Я говорю: я понимаю, дайте мне свидание с женой. Они говорят: хорошо, конечно, конечно, вот ты сейчас подписываешь — даем тебе свидание, не подписываешь — едешь в СИЗО от нас обратно.

Ладно, подписываю, иду к жене и говорю ей: Ангелин, срочно привлекай средства массовой информации, все всем рассказывай, но пока ничего не публикуй. Рассказал ей про то, как меня пытали, рассказал ей о многом. И в то же самое время она обратилась к «Общественному вердикту», правозащитной организации, которая занимается, в частности, заключенными, которых пытаются, и они сказали, ну че, публикуем? Она сказала: «Пока не надо, Дима сказал, что если только что-то произойдет с ним или вообще как-то ситуация изменится».

Арман Сагынбаев. Фото: Егор Сковорода / Медиазона

И, собственно, некоторое время ничего не происходило, а 14 декабря нас вывезли на продление меры пресечения. Там в стакане в автозаке нас посадили вместе с Арманом Даулетовичем [Сагынбаевым], где Арман Даулетович спросил, били ли меня током, и сказал, что и его тоже.

В один момент 3 ноября — у меня все это время дверь была открыта, то есть я с открытой дверью жил — и мне ее закрыли 3 ноября. Я спросил: а в

чем, собственно, дело, зачем ее закрыли? Они мне говорят: ниче, ниче, ниче, все в порядке. И я услышал, как люди прошли по коридору. И думаю: ну все, ко мне пришли. Я говорю: пожалуйста, я вас умоляю, не пускайте ко мне эфэсбэшников, вы зачем вообще здесь стоите, на вас шеврон, вы сотрудник ФСИН. Я говорю: вы понимаете вообще, что такое закон? Он мне говорит: с тобой ничего не будет, я тебе обещаю. И через пять минут я слышу: как в соседней камере или через несколько камер на моем продоле кто-то орет, и я понимаю, что там кого-то пытаются током, точно так же, как пытали меня.

И 14 декабря я встретился с Арманом Даулетовичем, который тоже рассказал мне о том, что его подвергали пыткам. И дальше у меня долгое время не было выездов.

Январь — февраль. «Снова били током, но уже другие сотрудники»

В январе [2018 года] задержали фигурантов из Санкт-Петербурга, но благодаря тому, что у них все-таки есть общественная наблюдательная комиссия адекватная, они к ним пришли и зафиксировали все их повреждения. У них обнаружили следы электрического тока, у Игоря Дмитриевича Шишкина была сломана кость под глазом, глазница, было сотрясение мозга сильное. И они, естественно, все дали признательные показания, а потом к ним пришли члены общественной наблюдательной комиссии, все зафиксировали, а они им все рассказали — точнее, Филинков сказал о том, что его подвергали пыткам, Игорь Дмитриевич, к сожалению не рассказал, но зато потом рассказывал мне — еще об этом расскажу.

И когда информацию публиковали о них, заодно опубликовали информацию и обо мне, то есть я не хотел, чтобы ее публиковали, я очень боялся, но так вышло просто, что без моего спроса, точнее, без осведомления меня эту информацию опубликовали, она попала в интернет. Ко мне пришел прокурор и составил опрос. Он сначала написал: говорить о пытках не могу и не желаю. Я сказал: я желаю, просто не могу. И он зачеркнул «не желаю». Если этот опрос поднять, то там будет видно, что зачеркнуто слово «не желаю».

Затем ко мне пришли оперативники Шепелев и Воронков и сказали, мол, мы взяли питерских, тебе нужно их опознавать. Я сказал, что никого опознавать не буду. Они сказали: мы тебя будем снова тогда приходить пытаться. Я говорю, мне плевать, делайте, что хотите. Я начал орать, чтобы меня увели в камеру.

Следующий мой допрос... После этого ко мне приехал мой защитник [Олег] Зайцев, мы подписали с ним соглашение. И 1 февраля меня вывезли на допрос в ФСБ. 1 февраля я отказался от дачи показаний и взял 51-ю. Потому что если бы я сказал, что, мол, все обстоит так и так, то они бы сказали: все, достаточно пока, давай в другой раз, а к другому разу из меня уже выбьют новые показания и у меня не получится дать в полном объеме те показания, которые я хочу. Поэтому я взял 51-ю.

Я пришел в камеру и написал огромное заявление, в котором я изложил все, как было на самом деле, все обстоятельства страйкбольных игр и мероприятий всевозможных. И я приехал 8 февраля и предоставил

следователю это заявление, начал давать показания и, как я и, собственно, ожидал, следователь сказал: все, достаточно, достаточно, давай в следующий раз. Когда в следующий раз вам удобно, адвокаты, защитники. Защитники сказали, ну нам удобно... Определились на 14 февраля. Все согласились. Я уехал, ну, думаю, в следующий раз.

Приезжаю я в СИЗО и на следующий же день меня переводят снова в этот пустой корпус, в котором никого нет, и я уже понимаю, зачем меня туда переводят. Меня перевели в этот пустой корпус, снова в ту же самую камеру. А на следующий день ко мне пришли сотрудники ФСБ, которые снова били меня током, но уже другие сотрудники. И сказали, чтобы я, собственно... Если мне говорит следователь, что это белое, а я вижу, что это черное, то я все равно должен сказать, что это белое. Если мне следователь говорит откусить палец и съесть его, то я должен себе откусить палец и съесть. Ну и так далее, много таких вещей.

«Контакт плохой, бьет слабо»**Арестованный по «пензенскому делу» Дмитрий Пчелинцев — о том, как его пытками вынудили отказаться от своих слов про пытки**

Угрожали опять моей жене и много что происходило. Я сказал: хорошо, хорошо, я вернусь к своей старой программе. Договорились. У меня было разбито все лицо, потому что меня просто возили об пол, а пол там шершавый цементный, покрашенный краской, у меня было все лицо просто порвано.

И я возвращаюсь в камеру, жду допроса, уезжаю на допрос и Токарев Валерий Витальевич встречает меня и говорит: Ну что, Дима как будем дальше работать? Я говорю: по старой линии. Он говорит: ну все, сейчас придут твои защитники, мы [адвоката] Зайцева не пустим, вместе с Ваниным напишешь отказ от Зайцева. Я говорю: Валерий Витальевич, я сижу в одиночной камере, пожалуйста, не нужно лишать меня общения, давайте я поговорю с Зайцевым, он никак не будет меня защищать, я уговорю его и пусть остается, пожалуйста.

Потому что я реально понимал, что Зайцев Олег Валерьевич не просто адвокат, он правозащитник, он реально может мне в этом смысле помочь. Не просто смотреть на то, как я оговариваю сам себя, оговариваю других, а именно помочь, предать этот вопрос огласке, дать возможность сказать то, что я считаю нужным сказать, в конце концов, говорить правду.

И Олег Валерьевич [Зайцев] все-таки приходит вместе с Игорем Алексеичем [Ваниным] ко мне на допрос. И мы просто копируем старый мой допрос и вставляем в начале листа, следовательно вписывает, мол, я дал тогда-то тогда-то ложные показания с целью ухода от уголовной ответственности, подумав некоторое время, я решил говорить всю правду относительно своей преступной деятельности. Естественно, я такими словами никогда не выражался и очевидно, что это написано не мной. Но в итоге этот абзац, после него стоят мои старые показания, но я сказал: Валерий Витальевич, все правильно, да-да-да, но я хочу внести некоторые корректировки. И снова начал вносить те корректировки, которые его не устраивают. Так, например, я больше не называл — в своих первых показаниях я называл Армана Даулетовича анархистом, хотя он не является — тут я уже изменил на то, что он трансгуманист, каковым он является. И много таких моментов было.

Мне сказали, что нужно тебе еще на видео сказать. Да, хорошо, скажу. Меня снимают на видео: я сижу с разбитыми руками, с разбитым лицом, совершенно поникший. И меня спрашивают: «Тебя пытали?». Я говорю: «Нет, меня не пытали». И я сказал, что соврал, хотел избежать уголовной ответственности и все прочее. Вы планировали там то? Ну, вообще-то не планировали, но, возможно, и планировали. Короче, просто несу чушь.

Мне начинает задавать вопросы Олег Валерьевич [Зайцев]. По этим вопросам можно было понять, что я сейчас сам себя оговариваю, то, что на самом деле меня пытали, он хотел меня спросить: откуда у вас эти

следы на лице? Но следователь Токарев начал орать, запретил ему задавать вопросы. Хотя он должен был вести протокол, но он, естественно, это не делал.

Собственно, после этого мне сказали: а теперь, Дима, сейчас придет Ангелина, и тебе нужно будет сказать ей, чтобы она не общалась с правозащитниками, чтобы она не общалась с журналистами и вообще никак тебе не помогала, кроме того, что пусть письма пишет и мы будем вам свидания давать. Пришла Ангелина, увидела, что у меня все лицо разбито, что у меня разбиты костяшки. Я попросил взять с собой какую-то одежду, чтобы я мог переодеться, потому что у меня одежда вся была порвана и в крови. Она принесла мне одежду и я при ней разделся, она увидела, что у меня все тело в ссадинах, в синяках. Она спросила: кто тебя бил?

С нами стоит следователь Токарев. Я говорю: меня никто не бил, все в порядке. Но, естественно, мы женаты четыре с лишним года и она, конечно же, поняла, о чем я молчу. И я сказал: не общайся, пожалуйста, с журналистами, с правозащитниками и так далее и так далее и так далее. И, собственно, с тех пор не вышло с ней ни одно интервью, она, по-моему, не сказала ни слова журналистам, правозащитникам. И на меня продолжали давить ей.

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

Весна. «Этому следователю сотрудники ФСБ доверяют»

Следующие следственные действия были только 23 мая. Но там произошло еще очень много интересного, я хотел рассказать. После 14 февраля, на следующий день после того, как я дал нужные показания,

меня снова привели обратно в общий корпус. И на следующий день ко мне пришли уполномоченный по правам человека и прокурор по надзору.

Прокурор попросил меня показать мои колени, ноги, руки. Я ему показал и он спросил: «Откуда это все?». Я говорю: «Упал». Он говорит: «Ну, а зачем неправду говорил?». Я говорю: «С целью ухода от уголовной ответственности». Он говорит: «Тебя учили так говорить или ты сейчас правду говоришь?». Я так посмотрел на него: ну че ты, тебе что, непонятно, что ли, почему так. А он сказал: «Ну нет — нет».

После этого ко мне зашла [Елена] Рогова, это уполномоченный по правам человека Пензенской области. Я был уже настолько поникший, что просто не мог разговаривать, у меня голова была опущена, она видела только, что у меня лоб разбит. И спросила меня, почему я сообщил о пытках, а сейчас говорю, что никто меня не пытал. Я сказал: «С целью ухода от уголовной ответственности». Она меня перебила, она мне даже договорить не дала: «Зачем ты сейчас... Я вижу, что с тобой что-то происходило. Зачем ты сейчас врешь. Расскажи мне, пожалуйста, доверься мне».

А как я могу довериться вообще кому-либо? Я вот доверился. И ко мне пришли второй раз. И не просто вывезли меня куда-то на свою территорию, а пришли в СИЗО. Там огромное количество людей. И прокурор в курсе, и УФСИН в курсе, ФСБ, естественно, в курсе, вплоть до верхов, которые санкционируют подобные действия, потому что я не думаю, что оперативники способны что-то делать сами.

Пчелинцев рассказывает, как после посещения прокурором его водили к врачам, которые не стали фиксировать телесные повреждения. «Хотя они меня раздели и видели, что у меня все тело в гематомах». Затем подсудимый вспоминает, как следователь Меркушев опрашивал его по жалобе на пытки. «Меркушев меня спрашивает: "Пытки были?". Я просто промолчал, голову вниз опустил. Он говорит: "Ну я тебя понял". И написал все, что там сам хотел».

Я не хотел просто, чтобы ко мне снова пришли сотрудники ФСБ и снова били меня током. У меня уже был такой опыт: я заявил, они ко мне пришли. И что касается того, что изначально он не посмотрел видеокамеры. Там записи хранятся в течение месяца или двух, он говорил, вот если бы он тогда посмотрел камеры, он увидел бы, что действительно меня выводят из камеры, куда-то ведут, там, куда меня привели, тоже были камеры, и он бы увидел, как меня пытали и как меня ведут обратно, что я весь с разбитым лицом.

«Я кричал, Сергей стоял за дверью и не вмешивался»

СК в третий раз отказался возбуждать дело против сотрудников СИЗО, где пытали фигурантов «пензенского дела»

Перед ним я сидел с разбитым лицом — и он мне не задавал вопросов совершенно никаких, его не интересовало, почему у меня лицо разбито. И в дальнейшем, когда мы снова заявили, что применялись недозволенные методы, он написал, что видеозаписи с камер не сохранились. Как они не сохранились, если видеозапись от 29 октября по-прежнему существует, а записи, которые были буквально месяц назад, уже не существуют? Ну вот как так? И то, что существуют записи от 29 октября, это совершенно достоверный факт, потому что в конце апреля вышел фильм НТВ, где были эти видеозаписи. И мне понятно, почему это происходило, потому что он даже не пытался вести расследование.

<...> Собственно, заявил о пытках второй раз я, кажется, 22 апреля. Ко мне пришел следователь из Следственного комитета по поводу сотрудников ФСИН. И сказал: «Если ты сейчас упомянешь, что там были сотрудники ФСБ, тогда получится, что у них есть новая информация, они обязаны рассмотреть ее и отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела». Я сказал: хорошо, упомянул сотрудников ФСБ.

И этот следователь неожиданно уходит во внеплановый отпуск и вместо него приходит тот же самый следователь, который в самое первое время пришел ко мне по поводу попытки суицида. И я понял, что опять все очень плохо, потому что это следователь пришел не просто так, он пришел, потому что сотрудники ФСБ ему доверяют и он будет, естественно, подыгрывать им. Естественно он тоже вынесет отказ в возбуждении дела, но этот отказ я даже не планировал обжаловать, потому что это совершенно бесполезно. Там столько бреда сумасшедшего написано, что он не выдерживает даже поверхностной критики. Банальных грамматических ошибок там не менее семидесяти.

Так вот, в мае я приехал на следственные действия, дал показания, в которых сказал, что меня пытали, а что раньше я отказался — это было связано с тем-то и тем-то. Приложили свой адвокатский опрос, как раз в мае в котором я излагал очень подробно, как происходили истязания 10 февраля. И после этого я уже долгое время не менял позицию. Затем меня увезли в Санкт-Петербург, несмотря на 51-ю [статью].

Прошу прощения, что возвращаюсь к началу, учитывая, что у меня 51-я, меня вообще не могли вывозить и допрашивать. Но тем не менее у меня в деле есть заявление, в котором я прошу допросить меня по дальнейшим ко мне вопросам и это заявление датировано тем же самым днем, когда меня вывезли. То есть меня вывезли и сказали: пиши заявление. А почему они меня вывезли, откуда они знали, что я напишу такое заявление? Да потому что они уверены

были, что я заявление напишу, если они только что меня били током.

Я взял 51-ю, чтобы не ехать в Санкт-Петербург, потому что я был уверен, что им нужна эта поездка для того, чтобы между городами меня снова истязать. Несмотря на 51-ю, меня повезли в Петербург, благо по дороге меня не истязали, но они, поскольку все-таки не просто МВД, а ФСБ, которая ищет разные психологические подходы. Начали вместо кнута использовать пряник, относились ко мне хорошо, по-доброму со мной разговаривали, говорили: ты вообще нам не враг, мы же все понимаем. Оперативники со мной нормально общались. Ну и в итоге доехали мы до Санкт-Петербурга благополучно в целости и сохранности.

Там меня привезли к дому, который мне нужно было опознать — но я там никогда не был, я его не опознал. <...> Мы подъехали туда по инициативе следователя Токарева. Он сказал, что у него есть данные от Юлиана Бояршинова, что здесь я проводил мероприятия. Он меня привез не чтобы я показал ему место, где это проходило, а чтобы я узнал, оно или оно. Но учитывая что у меня была 51-я, он вызвать меня не имел права. <...> Потом привезли на очную ставку с Игорем Шишкиным и увезли обратно в Пензу.

Лето. «Ты пошел против государства, тебя просто перемолет в порошок»

Очень длительное время у меня эта позиция была неизменная, но после всех отказов в возбуждении уголовного дела, после того что, собственно, никто не хотел заниматься этим вопросом, всем было неинтересно, конечно, была огласка, но эта огласка,

я так понимаю, начала спадать, я был достаточно деморализован. Я приезжал в ФСБ и мне говорили: Дмитрий, тут такое дело, пытки не доказали, поэтому все твои показания лягут в основу обвинения. А дальше в основу приговора. Поэтому у тебя есть шанс получить вторую часть (статьи 205.4 УК, более мягкую, участие, а не организация сообщества — МЗ): тебе нужно признать вину, что ты участник.

Я подумал-подумал, этот вопрос встал 31 июля. У меня, собственно, не было возможности посоветоваться с адвокатами, мне нужно было решить на следующий день. На следующий день я приехал в здание ФСБ и Токарев мне сказал: «Ты меня понял? Я тебе добра желаю». Но на самом деле он не желал мне добра, он просто угрожал. Он сказал: «Ты знаешь, я тебе первую часть вменяю». Обвинялся я на тот момент по второй. Он говорит: «Я тебе вменяю первую часть, если ты не подписываешь, что вину признаешь, или, собственно, едешь ты на 20 лет. Я могу устроить, туда-сюда». Я говорю: «Ну я подумал, наверное, так будет легче. Потому что кому что я теперь докажу». Суды мы наверняка все прошли, то есть возможности нет, у вас все люди везде свои, я все понимаю, окей, буду подписывать. И приводит меня на очную ставку с Максимом Иванкиным.

Первого числа, на следующий день. Возможности поговорить с адвокатами у меня не было. У нас с ними было пять минут. Я за пять минут только успел сообщить, что я теперь буду давать показания, но я говорю: «Пожалуйста, задайте вопросы, по которым будет очевидно, что я несу чушь». Они сказали: «Хорошо, мы будем такие вопросы тебе задавать».

Мы приходим на очную ставку и на очной ставке я просто несу чушь и говорю о каких-то вещах... Я понимаю, что следователь Токарев давит, я понимаю, что мне нужно признавать какие-то вещи, на которых он настаивает, я сначала говорю одно, потом говорю еще хуже, понимаю, что и этого Токареву мало, говорю еще хуже. Все это отражено в очной ставке. Я все равно ничего не признал, кроме того, что сказал, что вину признаю.

И Токарев ко мне подошел и говорит: «Дима, тут такое дело, что ты, конечно, вину признаешь, но нигде не был, ничего не знаю, это признаю, это не признаю. Сейчас приедут Шакурский с Черновым завтра, тебе будет нужно уговорить их признавать вину, и тогда я тебе делаю вторую часть». Я говорю: «А какие аргументы, как я их уговорю?». «Скажи, что если [Чернов] вину признает, я ему не буду вменять 228-ю». Если не признает, то буду. С Шакурским то же самое. Я подумал, говорю, ну ладно.

И на следующий день у меня не было никаких следственных действий. Меня вывезли только с одной целью в ФСБ: чтобы я приехал и просто сидел весь день в клетке для того, чтобы разговаривать с остальными молодыми людьми. Я им не сказал ни слова о том, что, ребята, вам нужно вину признать. Я им сказал: ребята, такое дело, Токарев мне сказал делать так и так, но я это делать не собираюсь. Просто знайте, что есть такая ситуация. Они говорят: «Ну мы тебя поняли».

Токарев потом зашел, при них мне угрожал неоднократно. То есть его ничего не смущало. Они,

естественно, пошли на очную ставку и на этой очной ставке, естественно, никто вину не признал. Потому что чего им вину признавать. После этого подошел Токарев и говорит: «У тебя не получилось, но давай 17-го [августа] поедem на проверку показаний на месте и там ты скажешь, что ваша игра — это была тренировка с целью совершения преступлений». Я говорю: «Я вряд ли так скажу, мне очень сложно так сказать, я просто банально не выдавлю это из себя». Он говорит: «Нужно попробовать, нужно постараться, давай, Дима».

Мы поехали туда на эту проверку показаний на месте. Я сказал, как все было, не смог перешагнуть через себя и таки не назвал это тем, чем это не является. И назвал эту игру игрой. После этого мне сказали, что у тебя последний шанс остается. Тебе нужно признать и гранаты, и военкомат — тогда вторая часть. Я говорю: «Я военкомат с гранатами точно признавать не буду. Вы очень подло поступаете, что вменяете мне их, вы подкинули мне гранату, вы заставили меня написать явку с повинной в том, чего я не совершал, а теперь еще так подло со мной поступаете, я точно не смогу».

Ну и, собственно, 3 сентября я приехал на предъявление обвинения и 3 сентября мне сказали, мол, первая или вторая часть, выбирай. Я сам себе лично выбрал первую часть. Понимаете, как следствие осуществляется?

[Следователь Токарев] говорил: «Ну, Дмитрий, ты закусился с государством, ты пошел против государства, а такое дело мы не любим и тебя просто

перемолет в порошок. Ты точно не победишь, суд не будет вообще разбираться ни в чем, там судьи сидят, им вообще без разницы на тебя, они сделают, как скажет ФСБ, ты вообще тут ноль, никто».

Он мне говорил, что если я буду пытаться что-то доказать, то это хуже мне сделает, естественно. Почему я? Он говорит: «Ну знаешь, нужен был тот, кто подходит. Вот тыходишь, потому что активный». Я говорю: «А какая вообще информация, что я общественно опасный какой-то человек?». А вдруг, он говорит, революция начнется, ты же на нее пойдешь. Я говорю: «Вы с чего вообще взяли?». Он говорит: «Ну вот так». На этом аргументы закончились.

Редактор: Егор Сковорода

«Медиазона» благодарит корреспондентов [«7x7»](#) Екатерину Герасимову и Евгения Малышева за помощь в подготовке материала.

1. Статья 51 Конституции позволяет не свидетельствовать против самого себя и своих родственников.